

-
1. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. М., 1989.
  2. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского* : в 3 т., СПб., 1993. Т. 1.
  3. *Достоевский Ф. М.* Письма. М., 1928. Т. 1.
  4. *Фридендер Г. М.* Реализм Достоевского. М. ; Л., 1964.
  5. *Достоевский Ф. М.* Хозяйка. Л., 1972.
  6. *Санд Ж.* Индиана. М., 2002.
  7. *Словарь славянских древностей* / под ред. Н. И. Толстова : в 5 т. М., 1995.

Л. Д. Лундبلاد

Калифорнийский университет, Беркли, США

**Каторжный фольклор или фольклорная каторга:
«Акульский муж. Рассказ» в «Записках
из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского**

«Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского изобилуют разнообразными заимствованиями из «каторжного» фольклора, собранного писателем на каторге в Омске и записанного в так называемую «Сибирскую тетрадь». В статье исследуются отрывки из народных песен и несколько пословиц из главы «Акульский муж. Рассказ» с целью выявить, как фольклор используется для литературного воспроизведения устного повествования рассказчика. При этом мы руководствуемся двумя аспектами методологии американского фольклориста Алана Дундеса для изучения фольклорных заимствований в литературных произведениях: идентификацией и интерпретацией [11, с. 70]. Задача работы заключается в том, чтобы «определить, каким образом автор использовал фольклорные элементы и какую функцию эти элементы выполняют в литературном произведении» [Там же]. Во-первых, каторжный фольклор в «Акульском муже» идентифицируются посредством других источников и, во-вторых, интерпретируется его роль в создании «фольклорной каторги».

«Сибирская тетрадь» (далее — Тетрадь) — своеобразное собрание устной каторжной культуры 1850-х гг. — еще не получила достаточного

научного освещения с учетом ее влияния на последующее творчество Достоевского [4]. Материалы из ее 486 пронумерованных записей находятся почти во всех постсибирских произведениях писателя, от «Дядюшкиного сна» до «Братьев Карамазовых». Наиболее насыщены отсылками к Тетради «Записки из Мертвого дома». В произведении о каторге свыше 250 отсылок к «Сибирской тетради». Чаще всего отсылки встречаются в главе «Акушкин муж. Рассказ». Небольшой рассказ — около восьми страниц — содержит 42 ссылки к 40 записям из Тетради. В отличие от большинства заимствований из Тетради в «Записках из Мертвого дома», употреблявшихся в диалогах, данная глава своим длительным монологом одного арестанта стилистически напоминает устное повествование. Ввиду насыщенности материалов «Сибирской тетради», услышанных писателем «на месте», рассказ является отличным примером для исследования того, каким образом Достоевский использовал каторжный фольклор в своем творчестве.

Незначительный по объему «Акушкин муж. Рассказ» представляет собой сложную художественную конструкцию [3]. Произведение в целом имеет жанровое определение — «*Записки из Мертвого дома*» — и лишь в главе «Акушкин муж» дан отдельный жанр. Добавив *рассказ* к названию, Достоевский придал главе статус самостоятельного элемента.

Несмотря на название глава не начинается с рассказа про Акушкиного мужа, а открывается подробным описанием Шишкова — своеобразного «осведомителя» Горянчикова. Действуя подобно этнографу, Горянчиков подчеркивает музыкальность Шишкова, указывая на то, что он играл на балалайке и любил танцевать. На первый взгляд подробное описание второстепенного персонажа кажется излишним. Музыкальные способности Шишкова, однако, станут существенными деталями в рассказе о том, как он убил свою жену. Думается, что Горянчиков подчеркивает музыкальность Шишкова для предварительного психологического объяснения предстоящего рассказа.

Контекст повествования также содержит подробные сведения о Черевине, который угрюмо и равнодушно слушает рассказ Шишкова и порой перебивает его монолог комментариями «из приличия». Наличие слушателя, наделенного как собственным именем, так и конкретным поведением, можно рассматривать в свете определения Вальтером Онгом признаков устного повествования: «Высказывание направлено от реального, живого человека к другому реальному, живому человеку <...> в определенное время в реальной обстановке, включающей гораздо больше, нежели лишь слова. Высказанные слова всегда являются

модификацией общей ситуации, которая больше, нежели лишь вербальная» [13, с. 101]. «Акулькиного мужа» необходимо исследовать именно внутри всех этих контекстов окружающей устной обстановки, в качестве речевого акта, не ограниченного исключительно высказанными словами. В главе представлен речевой акт между тремя активными участниками: рассказчиком и двумя слушателями. Рассказчик обращается к первому слушателю — Черевину, участвующему в повествовании вопросами и комментариями. Его активное участие преобразует монолог Шишкова, он становится своего рода диалогом. Второй слушатель — Горянчиков — скрыт; слушая рассказ, он не принимает участия, а присутствует только в процессе его литературного воспроизводства. В «Записках из Мертвого дома» Горянчиков выполняет роль собирателя речевых актов других арестантов, действуя как этнограф и как фольклорист, порой даже как стенограф.

Повествовательную структуру «Акулькиного мужа» можно рассматривать как отражение реального события. Возможно, Достоевский, подобно Горянчикову, выполнял эту же роль стенографа, поскольку было отмечено, что сюжет главы возник из «реальной истории», услышанной писателем в военном госпитале [1, т. 4, с. 275] и помещенной им в Сибирской тетради рядом с записью № 326. Первая половина записи полностью процитирована в главе [2, с. 25], а вторая половина, написанная в верхнем левом углу Тетради, напоминает набросок к сюжету в главе: «Рассказ о том как жену убил. — Режь! Его в солдаты берут, а я его любовница. И на что она это мне сказала. [Холодно.] Ночью зарезал и все думал что мне с ней делать» [Там же]. Действительно, «Акулькин муж» является «рассказом о том, как [арестант] убил [свою] жену», убийство происходит «ночью». Соперника Шишкова также «берут в солдаты». Окончательный вариант, однако, значительно отличается от первоначального наброска. В главе жена не признается в прелюбодеянии, а муж сразу убегает, совершив убийство.

Литературная адаптация «рассказа», услышанного Достоевским на каторге, оказывается сложной художественной реконструкцией устного повествования. В ней участвуют не только сам рассказчик, Иван Семенович Шишков, и Акулина, но также его родители, отец Акулины Анкудим Трофимыч, ее мать Мария Степановна и соперник Шишкова Филька Морозов. Из этих персонажей двоих находим среди записей в «Сибирской тетради»: Анкудима Трофимыча — в записи № 83, а Акулину — в записи № 218 [2, с. 17]. «Погода того немножко / Акулинин муж на дворе» — это две строчки из русской народной песни «Как со вечера пороша...»

[1, т. 4, с. 72]. В произведении песня приводится несколькими главами раньше и, возможно, заглавие песни дало главе ее название. Лирическая песня, существующая в разных вариантах в устной традиции и имеющая сюжет супружеской измены, была популярна в XIX в. Неверная Акулина в песне, однако, отличается именно этим от героини главы: в песне жена не только изменяет отсутствующему мужу, но и рождает ребенка в его отсутствие. Использованием данной песни в названии главы можно объяснить, почему слушатель Черевин не понимает рассказа Шишкова. Узнавая имя героини, он узнает и знакомый сюжет народной песни, широко известной в это время. Соответственно, он ошибочно предполагает, что рассказ Шишкова сходится с ее тематикой.

Музыка присутствует не только в названии и имени героини — глава насыщена музыкальностью. Например, Шишков и Филька Морозов публично высмеивают Акулину, напевая строчки из двух народных песен. Обе песни находятся в «Сибирской тетради». Филька Морозов поет начало распространенной лирической песни из записи № 101 [2, с. 11]: «Чисто ходишь, бело носишь, скажи, кого любишь!» [1, т. 4, с. 168]. Шишков поет: «...чисто ходишь, где берешь, дай подписку, с кем живешь!» [Там же] из записи № 100 [2, с. 11]. Песни схожи, однако последняя являлась плясовой и якобы имела более сомнительное содержание, чем первая [10, № 371]. В «Сибирской тетради» Достоевский собрал несколько народных песен, из которых, как в случае с двумя вышеприведенными [2, с. 87], он записал только несколько строчек.

Можно задаться вопросом, почему Шишков — безусловно являясь героем собственного рассказа — выбирает песню, содержание которой более низкой нравственности, чем песня Фильки Морозова, его антагониста? Вероятно, в главе песни использованы как условные знаки музыкальности, и не следует обращать пристального внимания на их различное содержание. Позднее Достоевский более сознательно использует народные песни в своем творчестве, привлекая не только их смысл, но и культурные коннотации [8]. Здесь отрывки из песен являются особенностью динамики соперничества двух мужских персонажей: когда Филька Морозов заставляет Шишкова петь и танцевать, он всегда подчиняется. Таким образом, когда антагонист высмеивает Акулину песней, протагонист делает то же.

Музыкальная динамика Фильки Морозова доминирует в нескольких ключевых сценах «Акулькиного мужа». Два из трех музыкальных инструментов, упомянутых в главе, — балалайка, теорбан и гитара — связаны с этим персонажем. Дважды Филька Морозов заставляет

Шишкова заниматься музыкой в рассказе; первый раз: «Играй, говорит, мне на гитаре и танцуй, а я буду лежать и в тебя деньги кидать, потому как я самый богатый человек!» [1, т. 4, с. 168]. Второй раз после свадьбы Шишкова и Акулины: «Я-то пьян сидел, а он как схватит меня в ту пору за волосы, как схватит, пригнул книзу-то: “Пляши, говорит, Акулькин муж, я тебя так буду за волоса держать, а ты пляши, меня потешай!”» [Там же, с. 171]. Филька Морозов называет Шишкова «Акулькин муж», и это является отсылкой к народной песне о прелюбодеянии, которая дала главе ее название. Видимо, Филька Морозов, подобно слушателю Черевину, приравнивает Шишкова к обманутому мужу из популярной песни.

Когда Фильку Морозова забирают в армию, его провожает не только толпа, но и музыка. Различные аспекты музыкальности пронизывают главу и, сочетаясь с пьянством, создают карнавальную атмосферу в ней. Этот фольклорный жанр является своего рода партитурой главы.

«Акулькин муж» не заканчивается рассказом Шишкова. Повествование совершает не рассказчик, а слушатель. Черевин предлагает свой вывод в виде пословицы: «Оно, конечно, коли не бить — не будет добра» [Там же, с. 173]. На первый взгляд вывод кажется настоящей пословицей, существующей в середине XIX в. Но, возможно, это просто высказывание, похожее на пословицу? В реплике слушателя используется параллелизм, который присущ многим пословицам: «Если не X, то не будет Y» [12, с. 7]. Данная фраза, однако, не зафиксирована ни в одном из собраний устойчивых русских пословиц. Скорее, это личное мнение Черевина. Его мнение сформулировано гномическим языком и поэтому звучит достаточно значительно.

Почему он изъясняется подобным образом? Возможно, потому, что пословица традиционно «...выступает в качестве заключения рассказа, являясь развязкой предыдущего повествования, которая подводит итог его, как своего рода обобщение основной мысли повести» [9, с. 259]. Его вывод не только следует жанровым правилам, но и включается в общую художественную структуру «Акулькиного мужа». В главе несколько устойчивых пословиц, большинство из которых можно найти в других источниках, в первую очередь в «Пословицах русского народа» В. И. Даля. Для данного рассмотрения пословиц в главе следующее определение Вольфганга Мидера будет удобным: «[Пословицы являются] краткими, как правило, известными предложениями, которые содержат народную мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, зафиксированной и легко запоминающейся форме, и которые передаются из поколения в поколение» [12, с. 5]. Для четкого различения

пословиц в главе, изобилующей более или менее зафиксированными фразеологизмами, необходимо добавить: «Пословицы [являются] самостоятельными предложениями» [12, с. 13]. Согласно этим определениям, рассказ Шишкова содержит шесть канонических пословиц, их присутствие в сборнике Даля и других источниках доказывает их «народную мудрость», и использование рифмы во всех из них соответствует стилистическому требованию «метафорической, зафиксированной и легко запоминающейся формы». Четыре из шести есть в «Сибирской тетради», они значительно отличаются от «канонической версии», что неудивительно, поскольку «[п]ословицы, безусловно, зафиксированы только в собраниях пословиц» [Там же, с. 7]. Так как «[п]ословицы в реальных условиях использования относятся к социальным ситуациям, и этот социальный контекст, в свою очередь, определяет их смысл» [Там же, с. 8], то данное рассмотрение шести пословиц, упомянутых в главе, подчеркивает их диалогический аспект: особое внимание уделяется как тому, кто произносит пословицу, так и тому, кому она адресована.

Стилизованная и персонализированная речь Шишкова — его словесное изображение окружающего мира — насыщена пословицами. В главе из шести пословиц четыре произносятся рассказчиком. Его пословицы, однако, не только часть его собственного голоса: из них лишь четыре принадлежат ему. Он выражает «мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды» пословицами также и для воспроизведения голоса отца Акулины Анкудима Трофимыча, цитируя его диалог с народом. Данный диалог является цитатой из записи № 83 в «Сибирской тетради» [2, с. 10]: «Здравствуйте, Анкудим Трофимыч!» — Здравствуй, скажет, и ты. Никем то есть не побрезгает. — “Живите больше, Анкудим Трофимыч!” — А как твои дела, спросит. — “Да наши дела, как сажа бела. Вы как, батюшка?” — Живем и мы, скажет, по грехам нашим, тоже небо коптим. — “Живите больше, Анкудим Трофимыч!”» [1, т. 4, с. 167]. В диалоге употребляются две пословицы, которые изменены по сравнению с канонической формой. Добавление притяжательного местоимения «наши» делают первую пословицу «Дела как сажа бела» [6, с. 122, 444] дейктической. Вторая пословица еще более преобразена: в «Живем и мы, скажет, по грехам нашим, тоже небо коптим», однако, узнаем каноническую «Живем да хлеб жуем; спим да небо коптим» [5, с. 507]. В той же процитированной реплике рассказчик приписывает еще две пословицы Анкудиму Трофимычу. Первая — «...на всякий роток не накинешь платок» из записи № 329 в «Сибирской тетради» [2, с. 25] незначительно отличается от версии, зафиксированной Далем [5, с. 416]. Вторая пословица — «Вот

Бог, а вот, говорит, порог, не бери» отсутствует в «Сибирской тетради», но ее можно найти в собрании Даля [5, с. 416]. Разница лишь в добавлении отрицательного оборота «не бери». Обе пословицы помогают опровержению Анкудима Трофимыча в споре с Шишковым из-за денег.

Две из шести пословиц в главе принадлежат голосу слушателя. Черевин часто перебивает рассказчика: «Это твоя-то, жена-то?» [1, т. 4, с. 167], «Распутная, значит, была» [Там же, с. 169] и «Ишь ты!» [Там же, с. 172]. Несущественные фразы служат поощрением со стороны слушателя, а не представляют вторичную точку зрения на описанные события. Из двух пословиц, употребляемых Черевиним, первая из записи № 459 в «Сибирской тетради» [2, с. 33]: «Руки свяжут, язык не завяжут» [1, т. 4, с. 171]. Данную пословицу нельзя найти ни у Даля, ни в других собраниях русских пословиц, но она семантически близка двум каноническим пословицам: «Языком болтай, а рукам воли не давай» [6, с. 53] и «Язык на замок не запрешь» [Там же, с. 395].

Порой трудно определить, является ли выражение из «Сибирской тетради», позднее употребляемое Достоевским, «настоящей» пословицей. Влияние Достоевского как на последующих писателей, так и на читателей было настолько велико, что несколько слов, выражений, даже пословиц, изобретенных им, стали частью русского языка. Трудности возникают тогда, когда другой источник, например, собрание М. И. Михельсона [7], придает выражению Достоевского статус пословицы на основе его наличия в одном из произведений писателя. Проиллюстрируем данную трудность на примере пословицы, используемой Черевиним в «Акулькином муже».

Сентенция слушателя показывает, что Черевин невнимательно выслушал рассказ Шишкова, так как он по его окончании заключает, что Акулина была любовницей Фильки Морозова: «Я тоже этак свою жену с полюбовником раз застал» [1, т. 4, с. 171]. Он заканчивает главу, рассказывая Шишкову, как сильно *он* избил *свою* жену, узнав о ее неверности. После избиения она умоляет о прощении: «Ноги, кричит, твои буду мыть да воду эту пить» [Там же]. Выражение отсутствует во всех источниках, посредством которых можно установить его устойчивость в русском языке XIX в. Его можно найти лишь у Михельсона, однако два примера использования данного оборота в русской литературе являются ссылками на произведения Достоевского [7, с. 271].

Писатель употреблял эту фразу в двух произведениях, контекст которых напоминает тот же «каторжный» дискурс «Сибирской тетради», которым окружено использование ее записей в творчестве Достоевского.

Не исключено, что писатель услышал и это «выражение благодарности» на каторге. В «Униженных и оскорбленных» персонаж, будучи пьяным, употребляет данное выражение вместе с пятью отсылками к записям «Сибирской тетради». Достоевский часто вкладывал сибирский фольклор в уста пьяных персонажей. Эту же фразу можно найти в «Дневнике писателя» за 1873 г. перед тем, как писатель говорит о русском народе, и после того, как он напоминает своим читателям о том, что он сам был на каторге. Таким образом, можно сделать предположение, что и это выражение является примером «каторжного фольклора», несмотря на его отсутствие в «Сибирской тетради».

Ошибочно подводя итог повествованию Шишкова, слушатель поговорочной сентенцией все же включается в общую художественную структуру главы. Разнообразные фольклорные заимствования — популярные народные песни и пословицы — отображают стилистическую особенность «Акулькиного мужа». Этими средствами не только создается изображение ужасающей действительности сибирской деревни, ее обычаев и нравственности, но и передается голос другого — голос Шишкова. Пословицы — вместе с множеством поговорочных выражений и большим количеством диалектных слов, не исследованных в данной работе, — воспроизводят речь рассказчика, отличающуюся как географически, так и социально от речи Горянчикова. Литературное изображение «народного» языка «вторичного» рассказчика, показывающего его мышление и отношение к окружающему миру, служит для отличия этого голоса от голоса «первичного» рассказчика — Горянчикова. Думается, что Достоевский сознательно использовал элементы устного повествования в главе для достижения наибольшего эффекта. В чем заключается эффект?

Суть эффекта заключается в том, что глава «Акушкин муж» становится ключевым моментом в «Записках из Мертвого дома». Несмотря на независимое жанровое определение, глава и освещает произведение в целом, и освещается в целостности произведения. Возможно, рассказ о том, как кто-то убил свою жену, заинтересовал Горянчикова потому, что он сам, как читателю сообщает издатель, был осужден «...за убийство жены...» [1, т. 4, с. 6]. Может быть, маленькому рассказу предоставлено видное место потому, что это был один из редких случаев на каторге, когда арестант рассказывал историю своего преступления другому: «Вообще жизнь свою редко кто рассказывал, да и любопытство было не в моде, как-то не в обычае, не принято» [Там же, с. 11]. Тема убийства является общим местом для многих записей в «Сибирской тетради».

Дополнительный набросок для «Акулькиного мужа», помимо записи № 326, находится во второй половине записи № 384: «Жена говорит: режь, в солдаты берут. Стали мы с ней дожидаться, плакал с ней, а ночью зарезал» [2, с. 29]. Итак, литературная обработка повествования мужа Акулины выступает как кульминацией «рассказов о том, как [кто-то] убил [свою] жену».

«Сибирская тетрадь» отличается от других творческих тетрадей Достоевского тем, что она не была предназначена одному литературному произведению, одному персонажу, поэтому писатель мог использовать излюбленные записи во многих произведениях. Ни народные песни, которые цитирует Шишков, ни «вневременная мудрость» пословиц, которыми он пользуется, ни просторечие его родной деревни не принадлежат исключительно ему. Однако вместе заимствования из каторжного фольклора создают не только «фольклорную каторгу», но и уникальную личность Шишкова, его индивидуальную концепцию мира. Это и мир главы «Акулькин муж», и мир того человека, который был, возможно, и за пределами текста мужем Акульки.

-
1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990.
  2. Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) / изд. подгот. В. П. Владимирцев и Т. И. Орнатская. Красноярск, 1985.
  3. Вайнерман В. С. Достоевский и Омск. Омск, 1991.
  4. Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура : Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс ист.-лит. исслед. Иркутск, 2007.
  5. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
  6. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2008.
  7. Михелсон М. И. Ходячие и меткие слова : сб. рус. и иностр. цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М., 1994.
  8. Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск, 1994.
  9. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 2008.
  10. Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иванником в Вологодской губернии. Вологда, 1960.
  11. Dundes A. The Meaning of Folklore: the Analytical Essays of Alan Dundes. Logan, 2007.
  12. Mieder W. Proverbs: a Handbook. Westport, 2004.
  13. Ong W. J. Orality and Literacy. The Technologizing of the Word. N. Y., 1982.